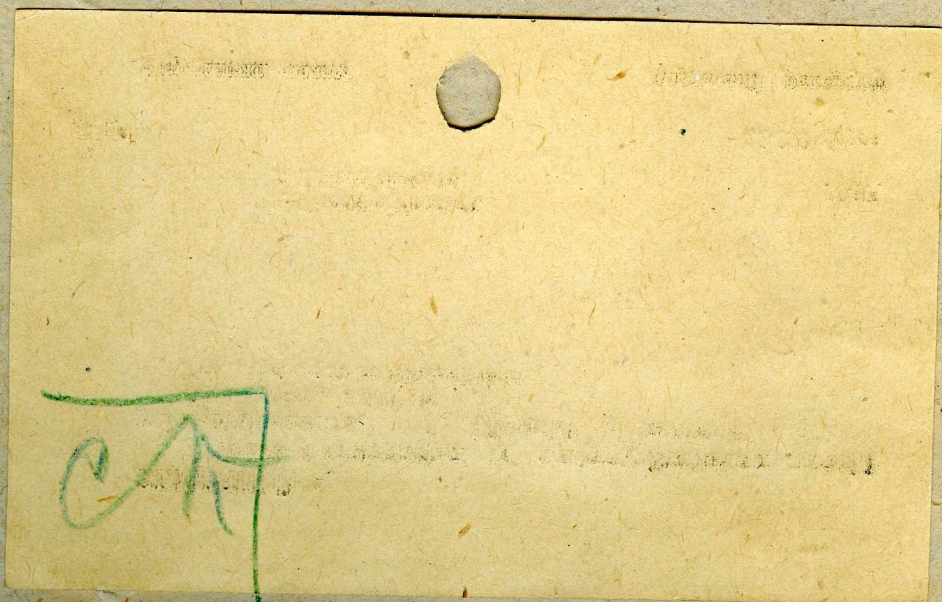

489702

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

AS 17 1881 1882 1883
1884 1885 1886 1887

20

~~6 III~~
~~2196.~~

Ленин
А. Богданов и И. Степанов.

V45
КУРС
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

1934
Том II.

ВЫПУСК 1-ый.

Торговый капитализм.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Издательство „КОММУНИСТ“.

МОСКВА:

Сретенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.).
2-ой дом Советов (Театральная пл.).

ПЕТРОГРАДЪ:

Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10.
Литейный просп., 48.

1932
119/284
58
Проверено
ЦНБ 1939

87

Эпоха торгового капитала.

I. Развитие торговли товарами.

В отдѣлѣ, посвященном средневѣковому ремеслу, мы имѣли дѣло преимущественно с той частью городского населенія, которая в ходѣ развитія отдифференцировалась от крестьянства феодальной деревни. Производственная техника, задачи хозяйствованія и общая организація ремесла, особенно на первых ступенях его развитія, сохранили многія черты родства с соотвѣтствующими отношеніями средневѣковой деревни.

Теперь нам предстоит обратиться к изученію экономических отношеній, в центрѣ которых стоит другая основная часть населенія средневѣковаго города, патриціанскіе роды, или, просто, патриціат. Тѣсно связанный при своем возникновеніи с феодальной усадьбой, а слѣдовательно, и с земледѣльческим производством, патриціат в ходѣ развитія все болѣе отрывался от феодальнаго производства. В его экономической дѣятельности типичныя черты сеньера (или министеріала, его уполномоченнаго), организатора производственных отношеній деревни, постепенно ступеньвались перед характерными особенностями купца, организатора торговли товарами, или ростовщика, организатора торговли деньгами. Главный базис его существованія переносился из области земледѣльческаго производства в область обмѣна. Рента, первоначально основная форма его доходов, постепенно оттѣснялась на задній план барышами от купеческих и ростовщических операцій. И в той самой мѣрѣ, как это происходило, из феодальной собственности выдѣлялась капиталистическая собственность: то имущество, с которым городской патриціат ведет торговыя операціи, превращается в капитал.

Возникновеніе торговаго капитала можно было бы представить в такой упрощенной схемѣ. Представим себѣ, что весь средневѣковый мір состоит только из двух стран, Востока и Европы,—т.-е. устраним

на время усложняющее постановку вопроса раздѣленіе Востока и Европы на многочисленныя экономически автономныя области. В распоряженіи сеньеров Востока и Европы сосредоточиваются огромныя массы прибавочнаго продукта, извлекаемаго из зависимаго населенія. При разнородности этихъ продуктовъ, военно-мѣновыя походы между обѣими странами с теченіемъ времени даютъ начало болѣе постоянной и урегулированной торговлѣ. От сюзереновъ, необходимыхъ организаторовъ обмѣна на его первыхъ ступеняхъ, эта функція постепенно переходитъ къ сравнительно мелкимъ сеньерамъ и министеріаламъ. Они поселяются въ намѣчающихся центрахъ интернаціональной торговли, развивающихся въ торговые города. Ихъ исключительной функціей становится перераспредѣленіе между сеньерами Востока и Запада того прибавочнаго продукта, который тѣ и другіе извлекаютъ изъ окрестнаго населенія: изъ подданныхъ, изъ рабовъ, изъ феодально-зависимыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ, изъ случайныхъ жертвъ военныхъ набѣговъ. Эти торговые посредники перестаютъ принимать непосредственное участіе въ извлеченіи прибавочнаго труда изъ феодальныхъ производителей. Та доля перераспредѣляемаго прибавочнаго продукта, которую имъ удается удержать у себя за свои торговыя функціи, составляетъ единственный источникъ ихъ существованія (и дальнѣйшаго обогащенія). Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ изъ феодальныхъ сословій выдѣляется новая профессиональная группа—купецъ, отъ ренты отщепляется новая форма дохода—торговая прибыль.

Эта торговля была не только международной (или, по меньшей мѣрѣ, меж-областной) торговлей: въ теченіе долгаго времени она характеризовалась всѣми особенностями колоніальной торговли. Дѣйствительный обмѣнъ переплетался съ одностороннимъ завладѣніемъ, съ прямымъ или замаскированнымъ грабежомъ, купецъ при первой возможности превращался въ простаго пирата, въ торговомъ посредникѣ не умиралъ военный организаторъ, сеньеръ. Купецъ мало интересовался производственными отношеніями той страны, въ которую онъ пріѣзжалъ. Онъ просто „снималъ сливки“ съ того производства, которое было организовано безъ него и не имъ.

За этой эпохой экстенсивной торговли,—когда военный захватъ добычи игралъ такую же роль, какъ и мирный обмѣнъ,—долженъ былъ послѣдовать періодъ болѣе интенсивной эксплуатаціи чужихъ странъ. Періодическія посѣщенія колоній смѣняются ихъ прочнымъ захватомъ. Къ примитивному обмѣну съ туземными сеньерами и къ простому обложенію ихъ контрибуціями и даями присоединяются попытки непосредственно организовать выжиманіе прибавочнаго труда изъ туземныхъ производителей. Европейцы кладутъ начало собственному производительному хозяйству въ колоніяхъ. Торговый капиталъ начинаетъ проникать въ производственную

сферу и создает здѣсь различныя ублюдочныя формы, напоминающія то римскій колонат, то самыя суровыя формы древняго, напр., сицилійскаго, рабства, и соединяющія в себѣ самыя мрачныя стороны отживающих докапиталистических и грядущих капиталистических производственных отношеній.

Эволюціонирует торговый капитал и в метрополіи. Сначала въ товар превращался прибавочный продукт, извлеченный сеньерами из зависимаго населенія. Переход от ренты в продуктах (натуральной ренты) к денежной рентѣ, вообще говоря, служит симптомом того, что торговец и сам, без посредства сеньера, начинает добираться до производителей, в первую очередь до деревенских производителей. В дальнѣйшем, по мѣрѣ того, как разрушались основныя условія существованія крѣпкаго ремесла, торговый капитал все рѣшительнѣе начиналъ вторгаться в область промышленнаго производства. Главным организатором послѣдняго, и в особенности его отношеній к рынку, становится уже не ремесленный мастер, а скупщик, подчиняющій себѣ ремесленных мастеров и выдвигающій против них конкуренцію деревенских промышленных производителей, совершенно неорганизованных, да к тому же подавленных крѣпостнической эксплуатаціей.

Скупщик или развивается в нѣдрах самого ремесла, или же выходит из рядов тѣх купцов, которые сначала не имѣли никакого отношенія к производственной дѣятельности. Но каково бы ни было происхожденіе скупщика, он во всяком случаѣ представляет переходную форму: от торговаго к промышленному предпринимателю.

Такова в самых общих чертахъ схема развитія торговаго капитала и зачаточных форм промышленнаго капитала. При современном состояніи детальныя изслѣдованія нѣтъ возможности установить всѣ послѣдовательныя звенья развитія для каждой страны, взятой в отдѣльности. И, пожалуй, болѣе всего нуждается в изученіи один из существенных моментов развитія капиталистической торговли: тот момент, когда совершилось оттѣсненіе феодальных элементов торгово-капиталистическими, или когда городской патриціат, отпрыск родовой аристократіи, феодальнаго сословія, смѣнился новым, плутократическим классом: торговой буржуазіей.

Однако, как бы значительны ни были пробѣлы, всѣ новыя конкретныя изслѣдованія торговли приходят к одному результату: первым „купцом“ был получатель ренты, сеньер, и лишь с выдѣленіем торговли в исключительное занятіе новой обособляющейсѣ профессіи, купцов, от ренты отдифференцировалась торговая прибыль.

1. Развитие мѣновых отношеній в средніе вѣка.

(Арабская, византійская и итальянская торговля).

В концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. отношеніе между экономическим развитіем Востока и Запада было обратным современному. На Западѣ перевѣс принадлежал болѣе или менѣе замкнутому натуральному хозяйству, которое характеризуется тѣсным соединеніем земледѣлія с примитивной, не обособившейся от него промышленностью. На Востокѣ— в арабских халифатах, в Индостанѣ, Китаѣ—промышленность, в особенности текстильная, красильная, а также гончарная, строительная, производство мозаичных издѣлій и проч., достигла такого уровня, что была организована частью как „децентрализованная мануфактура“, частью переходила к собственно мануфактурной организаціи. При возникновеніи мѣновых отношеній между Востоком и Западом, Запад выступил на формирующемся міровом рынкѣ как поставщик сравнительно грубых товаров и как производитель „сырья“: рабов, меда, мѣхов, хлѣба и продуктов болѣе или менѣе элементарных подсобных деревенских промыслов (напр., домотканья сукна, полотна). Напротив, Восток являлся в первую очередь промышленным производителем, а также поставщиком болѣе утонченных продуктов земледѣлія и промышленности (роскошныя по матеріалу, работѣ, отдѣлкѣ и окраскѣ шелковыя и бумажныя ткани, вина, всевозможныя пряности, благовонныя смолы и масла, косметическіе и лѣчебныя составы из них; ювелирныя издѣлія; художественныя издѣлія из стекла, глины и камня; благородныя металлы и драгоценныя камни). Для европейцев средних вѣков и значительной части новаго времени¹⁾ Восток был тѣм же, чѣм была Англія для нѣмцев и русских начала XIX вѣка, или чѣм является теперь Запад для современнаго населенія Балканскаго полуострова. Далекія, недоступныя европейцам страны Востока окружались для полуварварскаго Запада сказочной дымкой и превратились для их воображенія в страны чудес, в страны несмѣтных богатств.

Арабы с бѣльшим правом, чѣм византійцы, могут считаться преемниками Римской имперіи: ея міровой мощи, ея экономической и духовной культуры. Они временно объединили под своим господством

¹⁾ По Шульце-Геверницу („Крупное производство“, стр. 29), Индія даже в XVIII вѣкѣ была, по сравненію с Европой вообще и с Англіей в частности, „промышленной страной“. Но для XVIII вѣка такая характеристика могла получаться только потому, что автор сосредоточил все вниманіе на текстильной промышленности, а металлы, вывозимые Англіей в Индію, зачислил в рубрику „сырья“.

колоссальную область от берегов Атлантического океана до Аральского моря и Зондскаго архипелага. Мѣновныя их отношенія расширялись еще долго послѣ того, как прекратились тѣ грандіозныя завоевательно-торговныя экспедиціи, которыя облакались в идеологическую форму распространенія ислама. Их торговныя операціи распространялись до центральной Азіи, Китая, Индостана, нижняго теченія Волги. Выступая посредниками между Западом и далеким Востоком, опираясь на собственную промышленность, они в свое время сыграли по отношенію к Западу такую же роль, как в настоящее время, на высшей ступени развитія, Запад играет по отношенію к Азіи и Африкѣ. От их халифатов исходило революціонизированіе застойных экономических отношеній Европы. Арабскія монеты, открываемыя при раскопках в Средней Азіи, Европейской Россіи и скандинавских странах, до сих пор напоминают, насколько широко было вліяніе торговли арабов. Арабскія цифры, введенныя в Европѣ с XIII в., и такія европеизировавшіяся арабскія слова, как караван, арсенал, магазин, балдахин, шафран, кофе, атлас (шелковая матерія), ювелир, до сих пор говорят о характерѣ арабской торговли и о глубинѣ ея вліянія на экономическія отношенія средневѣковой Европы.

Византія и по своему географическому положенію, и по относительно высокому уровню экономического развитія была первой страной, которая стала играть роль торговаго посредника между арабами и европейскими странами,—включительно до кievской и новгородской областей и до Скандинавскаго полуострова. Константинополь, в котором сосредотчивались оброки помѣщиков и государственные сборы, до XIII вѣка оставался главным центром европейской торговли; византійскіе императоры фактически были самыми крупными купцами того времени. Торговля служила для них, как и для других членов феодальнаго сословія, в первую очередь средством реализаціи доходов, феодальных по своему источнику и существу: средством превращенія их из одной потребительной формы в другую.

Византійская торговля дала толчок развитію итальянской, центром которой сдѣлались сначала Амальфи на югѣ Италіи, гдѣ итальянцы встрѣчались с византійцами и сарацинами, а потом Венеція и Генуя. Уже с X вѣка венеціанцы добивались для себя важных торговых привилегій в Константинополѣ. Императоры цѣнили в них торговых посредников между собою и европейским Западом—Франціей и южной Германіей—и, зачастую в ущерб туземным купцам, оказывали им всяческое покровительство.

Это явленіе—своеобразный протекціонизм навыворот, покровительство сюзеренов чужеземным купцам и вытекающіе отсюда конфликты

с мѣстным купечеством,—с замѣчательным постоянством повторяется потом в новых и новых странах, едва лишь международный обмѣн пускает в них прочные корни. Англійскіе короли оказывали всяческое содѣйствіе „ломбардцам“ (итальянцам) и ганзейским купцам, потому что они были главными посредниками в королевской торговлѣ шерстью. В нѣкоторых скандинавских странах ганзейскіе купцы, опираясь на суверенов, добились исключительнаго по своей монопольности положенія.

Причины этого явленія до прозрачности ясны. Создавая монопольное положеніе для пріѣзжих купцов, сюзерены и крупнѣйшіе сеньеры стремились создать монополію для себя (или для своих уполномоченных по торговлѣ) и захватить наибольшую долю барышей от вывоза тѣх продуктов, которые поступали к ним из собственных вотчин или представляли дань, взимаемую с вассалов. Таким образом и примитивное торговое право раскрывает первоисточник матеріала, которым оперировала торговля того времени, и указывает на тѣсную связь ея с феодальными отношеніями¹⁾.

Итальянскіе купцы могли удовлетворяться ролью посредников между Востоком и Западом только в силу необходимости. При первой возможности они старались завязать собственныя пиратско-торговныя связи с Левантом, т.-е. с островами и побережьями в восточной части Средиземнаго моря. Они начали прокладывать собственныя обходныя

¹⁾ Разумѣется, когда монополія чужеземных купцов упрочивалась, от нея страдали и сюзерены. Купцы во всѣх торговых сдѣлках—и при покупкѣ туземных продуктов и при продажѣ привозных—начинали диктовать цѣны. Швеція в нѣкоторыя эпохи превращалась в безсильнаго данника Ганзы, короли, тяготившіеся таким положеніем, убѣждались доводами оружія. Иногда,—напр., в Швеціи, отчасти в Англіи—монополія доводилась до того, что вывоз извѣстных продуктов за границу предоставлялся только иностранным купцамъ, а нѣкоторыя отрасли торговли превращались в королевскую регалію, передаваемую иноземцамъ же. Словом, в европейских странах, хотя и в слабой степени, наблюдались тѣ же явленія, какъ в экзотическихъ странах, гдѣ европейцы подарками привлекали на свою сторону мѣстныхъ князьков, а потом при первой же возможности скручивали ихъ вооруженной рукой. На первыхъ порахъ для европейских, какъ и для варварскихъ сюзеренов, осязательны были только выгоды монополій. Въспослѣдствіи примиренію с нею содѣйствуетъ между прочимъ выработанная система взятковъ, и на первомъ мѣстѣ среди нихъ—займы, устраиваемыя иноземными купцами для сюзереновъ экономически отсталыхъ, безденежныхъ странъ. Свойство этой формы взятки: разорять того, кто ее получаетъ, обычно раскрывается лишь постѣ того, какъ полное банкротство уже разразилось. Такимъ образомъ явленія международной торговли среднихъ вѣковъ, абсурдныя с точки зрѣнія „національнаго“ капитализма XIX вѣка, легко объясняются изъ экономическаго строя того времени—изъ служебной роли торговли по отношенію къ присвоителямъ феодальныхъ доходовъ.

пути на Восток. На Черном морѣ возникли итальянскія торговыя станціи: Тана при устьи Дона, Каффа в Крыму, Синоп и Трапезунт на южном берегу Чернаго моря.

„Тяга на Восток“ скоро охватила и Францію. С конца X вѣка флоты французскихъ сюзереновъ начали принимать энергичное участіе в том процессѣ перераспределенія феодальныхъ доходов, ареной котораго сдѣлалось Средиземное море. Сначала они ограничивались пиратскими нападеніями на суда итальянцевъ, идущія с грузами из Леванта и Византіи, потомъ перешли к болѣе активнымъ операціямъ и начали искать точку опоры в самомъ Левантѣ. Такъ назрѣвали тѣ изумительныя по масштабу завоевательно-торговыя экспедиціи, которыя приняли идеологическую форму борьбы за освобожденіе Гроба Господня и съ которыми в извѣстныхъ отношеніяхъ можно поставить рядомъ только стремительное движеніе на Востокъ грековъ древности (Александръ Македонскій) или бурное „распространеніе Ислама“ в VII и VIII вѣкѣ. Знаменательно, что самое энергичное участіе в первыхъ крестовыхъ походахъ приняли Италия и Франція, потомъ Англія: страны, наиболѣе заинтересованныя в Левантской торговлѣ. Безучастиѣ всего отнеслась к нимъ Германія, наиболѣе отсталая страна, в которой феодальныя отношенія сохранялись в полной силѣ. Чисто феодальная социальная мощь духовенства оказалась недостаточной для того, чтобы развить такой интересъ к завоеванію Палестины, какой в Италии и южной Франціи былъ подготовленъ торговыми связями с Востокомъ.

Само собою разумѣется, что усиленіе феодальной эксплуатаціи, которымъ сопровождается развитіе торговаго капитала, обезземеленіе широкихъ массъ и т. д., создавало благоприятныя условія для вербовки многочисленныхъ массовыхъ крестоносныхъ армій.

Перемѣны, совершившіяся на Востокѣ в первые вѣка второго тысячелѣтія, поощряли наступательныя дѣйствія французовъ и итальянцевъ. С Востока к Средиземному морю надвигались новыя орды кочевниковъ. Они перехватывали тѣ торговые пути, по которымъ шла арабская и греческая торговля с Восточной европейскою равниною, Туркестаномъ, Индостаномъ, Китаемъ. Начался торговый и политическій упадокъ Византіи и арабскихъ государствъ. Наступала пора, когда итальянской и французской торговлѣ приходилось прокладывать самостоятельныя пути на Востокъ. Византійскіе императоры были вынуждены обращаться к французамъ и итальянцамъ за помощію противъ „неверныхъ“, сначала противъ арабовъ, позже противъ турокъ. Феодалы юго-западной Европы, болѣе чѣмъ кто-либо другой заинтересованныя в развитіи Левантской торговли, совершенно естественно стали во главѣ европейскаго движенія на Востокъ.

Историки, сосредоточивающіе вниманіе исключительно на идеологической формѣ движенія, с глубокой убѣжденностью утверждали, будто крестовые походы вообще окончились неудачей и будто удача улыбалась европейцамъ лишь на самое короткое время. Но с экономической точки зрѣнія оцѣнка крестовыхъ походовъ будетъ прямо противоположная: в исторіи человѣчества можно указать лишь немного другихъ грандіозныхъ походовъ, которые увѣнчались бы такимъ быстрымъ и серьезнымъ успѣхомъ.

Военная добыча от крестовыхъ походовъ не поддается учету. Варвары Запада, захватывая города передового по экономической культурѣ Востока, проявляли такой же беспощадный „вандализмъ“, какъ варвары, вторгавшіеся в началѣ нашей эры в Римскую имперію. Уже послѣ перваго похода в Европу направились многочисленныя суда, нагруженные шелковыми и шитыми золотомъ тканями, коврами, драгоценными сосудами, приносами и рабами. Во всякой битвѣ борьба непосредственно, по большей части слишкомъ быстро, смѣнялась ограбленіемъ первыхъ убитыхъ и раненныхъ; при всякой осадѣ городовъ и укрѣпленныхъ лагерей военныя дѣйствія столь же быстро уступали мѣсто безшабашному разгрому и расхищенію домовъ и палатокъ: явленія, которыя нерѣдко имѣли роковое значеніе для исхода сраженій. Характерно, что примѣръ подавали рыцари и в особенности главные военные организаторы крестовыхъ походовъ. Вообще крестоносныя арміи оперировали такимъ образомъ, что для жителей Востока движущія пружины этихъ походовъ должны были представляться совершенно такими же, какъ в свое время для Европы—побудительные мотивы германскихъ, гуннскихъ и татарскихъ нашествій.

Но какъ велика ни была военная добыча крестоносцевъ, ея экономическое значеніе совершенно ступеньвается передъ значеніемъ длительныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Венеціанцы в первыя же десятилѣтія крестовыхъ походовъ получили доли Тира и Сидона и нѣкоторые острова на востокѣ Средиземнаго моря, генуэзцы—части Антиохіи и Лаодикии, Яффы и Акки, владѣнія в Триполи, на Кипрѣ и т. д.; провансальскіе города тоже сдѣлали важныя пріобрѣтенія. „Восточный вопросъ“ того времени получалъ предварительное рѣшеніе: крѣпнущая итальянская и французская торговля с Востокомъ пріобрѣтала собственные опорные пункты, становилась на свои ноги; найдя „ключъ къ Востоку“, она наносила смертельный ударъ византійской торговлѣ¹⁾.

¹⁾ С торговымъ упадкомъ Византіи начался экономическій упадокъ и притѣновской Руси. Транзитная область для варяжско-византійской торговли (великій водный путь „изъ варягъ в греки“), кievская Русь, благодаря собственной торговлѣ с византійцами развилась в IX—XI вѣкахъ в „страну городовъ“, какою описываютъ ее тѣ самые арабы, которые поражаются преобладаніемъ земледѣлія в Германіи того времени. Послѣ того, какъ центры міровой торговли на Средиземномъ

Для историков, которые не отличали объективных задач известного движения от его идеологической формы и его глубоких пружин от того, как представляется оно самим участникам движения, крестовые походы казались безконечной цѣлью поразительных стратегических промахов, непостижимых географических наивностей и нескончаемых падений с идеалистической высоты. Взрослые люди посылают безоружных дѣтей против испытанных в боевом дѣлѣ врагов,—и потом эти дѣти продаются христианами (главным образом итальянцами) тѣм самым мусульманам, против которых идут крестоносцы. Армія Людовика Святого при тогдашних путях сообщенія прокладывает дорогу к Гробу Господню через Египет. Участники четвертаго похода останавливаются, когда им удастся разгромить—христианскую Византію (1204 г.).

Но в этом рядѣ мнимых „случайностей“, „недоразумѣній“ и „отклоненій“ в дѣйствительности получали рѣшеніе основныя задачи тогдашней восточной политики. Итальянскіе и французскіе города добывали греческую торговлю, укрѣпляли и расширяли базис, пріобрѣтенный для своей торговли в Левантѣ, устраняли старья и вновь возникающія помѣхи ея развитію. Взятіе Константинополя и захват значительной части Византійской имперіи венеціанцами и отчасти генуэзцами были совершенно естественным заключительным актом в торжествѣ итальянской торговли над византійской. Постоянная доставка хлѣба и оружія мусульманам была просто одной из обыденнѣйших торговых операций, не прекращавшихся и во время таких эпизодических событій, как походы в ту или иную часть Леванта. Зарождающійся торговый капитал, поставленный перед грандіозной задачей, не забывал о текущих дѣлах. И даже серьезнѣйшія военныя неудачи он умѣл использовать для блестящих коммерческих операций.

Крестовые походы экономически были только одной из наиболѣе бурных стадій того переворота в торговых отношеніях, который незамѣтно подготовлялся уже давно и который продолжался и послѣ этих походов: главные центры средневѣковой торговли перемѣщаются к Западу, так как Запад от варварских, примитивных, натурально-хозяйственных, экстенсивных форм жизни переходил к таким ступеням экономического развитія, которыя характеризуются бѣльшей интенсивностью

морѣ перемѣстились к западу, великій водный путь утратил прежнее экономическое значеніе,—и уже во второй половинѣ XII вѣка сѣверо-восточная, преимущественно земледѣльческая область (владими́ро-суздальская) получает политическій перевѣс над падающей кievской областью. Татарское нашествіе (вторая четверть XIII вѣка) напало кievскую Русь внутренне разложившейся, утратившей жизнеспособность, и едва ли встрѣтило такой отпор, как в прежнія времена встрѣчали набѣги печенѣгов и половцев.

и значительной широтой мѣновыхъ связей (осѣдное земледѣліе с трех-польемъ в деревнѣ; развитіе городов какъ центровъ меж-областного обмѣна; обособленіе и развитіе городского ремесла).

Уже черезъ какіе-нибудь полвѣка послѣ перваго крестоваго похода начался расцвѣтъ ярмарокъ Ш а м п а н и. Представляя нейтральную область, одинаково доступную для итальянскихъ, южно-французскихъ (главнымъ образомъ провансальскихъ и лангедокскихъ), германскихъ и англійскихъ купцовъ, Шампань на два столѣтія сдѣлалась центральнымъ пунктомъ, в которомъ встрѣчались всевозможные продукты Востока с произведеніями окружающихъ странъ Запада. Итальянцы и французы проложили самостоятельный путь в Левантъ,—и уже не византійцы, а они стали главными посредниками в европейско-левантской торговлѣ. Развитіе международныхъ ярмарокъ Шампани было выраженіемъ упадка Византіи какъ центра международныхъ сношеній.

Наибольшія выгоды отъ перемѣнъ в направленіи торговыхъ путей извлекали итальянскіе города, в особенности Венеція и Генуя. В XII—XIII вѣкѣ они побиваютъ своихъ конкурентовъ, Амальфи и Пизу, и до половины XV вѣка фактически монополизируютъ почти всю торговлю по Средиземному морю. Ихъ торговые суда и караваны поддерживаютъ постоянныя сношенія с Египтомъ, Малой Азіей, балканскими странами, сѣверными побережьями Чернаго моря, Персіей и Арменіей. Но передняя Азія исторически была для итальянскихъ купцовъ просто этапнымъ пунктомъ в ихъ движеніи на Востокъ. Послѣ того, какъ крестовые походы нанесли страшный ударъ мусульманской торговли по Средиземному морю, итальянцы стремятся устранить посредничество арабскихъ купцовъ и в торговлѣ с такими странами древней культуры, какъ Индія и Китай. Уже в XIII вѣкѣ венеціанецъ Марко Поло достигъ Китая. Почти одновременно с нимъ генуэзцы сдѣлали попытку проложить вокругъ Африки морской путь в Индостанъ. Хотя эта идея получила дѣйствительное осуществленіе только черезъ два вѣка (путешествіе португальца Васко-де-Гамы в концѣ XV столѣтія), предпріятіе генуэзцевъ не утрачиваетъ отъ этого знаменательности. Оно показываетъ, какъ развитіе экономическихъ отношеній уже в XIII вѣкѣ подготавливало эпоху великихъ географическихъ открытій и путешествій. Тотъ уголокъ земного шара, на которомъ развертывалась средневѣковая исторія, становился тѣснымъ для европейцевъ по мѣрѣ того, какъ усиливалось выжиманіе сеньерами ренты, превращающейся в товаръ, и по мѣрѣ того, какъ затруднялись торговые сношенія с Востокомъ, необходимыя для превращенія этого товара изъ одной потребительной формы в другую.

Хотя итальянцамъ не удалось обогнуть Африку, однако уже с XIV вѣка у нихъ установились непосредственныя сношенія с Индіей и Китаемъ.

По сушѣ путь в Китай шел через Тавриз, Самарканд, Кашгар и пустыню Гоби или через Тану, Сарай (низовые Волги), пересѣкал Сыр-Дарью и озеро Балкаш. Морской путь, начинаясь Персидским заливом, шел вдоль берегов Персіи до Индостана, огибал Индостан, Индокитай с Малаккой и приводил в Кантон и другіе города на югъ Китая. Если вспомнить, что еще очень недавно весь мір итальянцев ограничивался странами по Средиземному морю, то нельзя не признать, что зародышевыя формы торговаго капитала вдохнули изумительную смѣлость в итальянскія торговыя предпріятія, продолжавшія дѣло крестовых походов.

Но уже в эпоху младенчества торговаго капитала разворачиваются явленія, которыя как рок тяготѣют потом над дальнѣйшей исторіей капитала. Передовыя по хозяйственному развитію страны втягивают в сѣть новых экономических отношеній страны отсталыя, дают толчок их ускоренному развитію и таким образом сами создают для себя конкурентов, быстрее, чѣм онѣ, приспособляющихся к новым отношеніям: передовыя страны сами готовят тѣ перевороты, которые превращают их из передовых стран в страны отсталыя.

К концу XIII вѣка Брюгге (во Фландріи) становится одним из важнѣйших пунктов итальянской торговли с сосѣдними странами. Мѣстная шерстяная и полотняная промышленность превратила его в центр, гдѣ итальянцы закупали продукты, вывозимые на Восток; здѣсь же совершенно естественно они устраивали и склады привозных товаров. Пока между Италіей и Фландріей существовал только сухопутный транспорт, развитіе Брюгге не могло быть особенно быстрым. Но возрастающая роль торговли на сѣверѣ побуждала итальянских купцов искать обходный морской путь вокруг Пиренейскаго полуострова,—и уже в первыя десятилѣтія XIV вѣка их галеры проходят через Гибралтарскій пролив, огибают полуостров, идут вдоль берегов Франціи и устанавливают постоянныя морскія сношенія с Фландріей (и с Англіей). С этого времени начался быстрый рост торговаго значенія Брюгге и, как его необходимое слѣдствіе, торговый упадок Шампани (со второй половины XIV вѣка). Важнѣйшіе торговые пути центральной и сѣверо-западной Европы от Шампани перестраиваются на Брюгге, и вмѣстѣ с тѣм Франція утратила выгоды, вытекавшія из того, что через нее шел транзитный путь европейско-левантской торговли. В этих перемѣнах лежит ключ к объясненію той „національной ненависти“ к итальянцам, которая вскорѣ охватывает французских феодалов (итальянскіе походы Франціи). Уже в средніе вѣка шпага сенъера начала служить интересам національной торговли и направлялась рукою купца.

Дальнѣйшая исторія международной торговли представляет в основных чертах повтореніе все тѣх же явленій,—но каждый раз на болѣе

высоком уровнѣ экономического развитія. Под'ѣм Брюгге дал сильный толчок развитію ганзейской торговли, которая сѣтью своих контор покрыла весь сѣверо-запад Европы. Сначала итальянскіе, а потом и ганзейскіе купцы являлись в Англію и, опираясь на свои широкія связи, на выработанную организацію и на богатый коммерческій опыт, подавляют развитіе самостоятельной англійской торговли. Но, ускоряя развитіе мѣновых отношеній в Англіи, втягивая ее в широкую и все болѣе расширяющуюся систему международного раздѣленія труда, они и здѣсь готовят себѣ конкурентов, вся мощь которых развертывается впрочем лишь в новое время. То же явленіе повторяется, по открытіи пути через Гибралтар, на Пиренейском полуостровѣ (торговое развитіе Каталоніи с Барселоной во главѣ; Португаліи во главѣ с Лиссабоном), а также в Нидерландах (Голландія с Амстердамом во главѣ).

Слѣдовательно, в самых общих чертах развитіе мѣновых отношеній в средневѣковой Европѣ шло таким образом. Через Византію отсталый Запад связался с передовым по культурѣ Востоком. Преемниками торговаго значенія падающей Византіи сдѣлались итальянскіе города, которые в союзѣ с южно-французскими городами довершили ея крушеніе и проложили самостоятельный путь на Восток. Внутреннее развитіе европейских стран готовило для итальянской посреднической торговли готовую почву¹⁾. Расширяя и углубляя мѣновыя отношенія этих стран, она приводила к тому, что едва намѣчающееся меж-областное раздѣленіе труда отчеканивалось с болѣе рельефностью. Так, Фландрія все болѣе дѣлалась производительницей сукна, Англія все болѣе увеличивала свой экспорт шерсти во Фландрію, и обѣ страны все болѣе становились потребителями привозных продуктов с юга Европы и с Востока.

Но как в Англіи, под непосредственным воздѣйствіем Фландріи, с XV вѣка развивается собственная суконная промышленность, которая кладет конец монополіи фламандскаго сукнодѣлія,—так и ускоренное итальянской торговлей развитіе стран по Атлантическому океану подготавливает крах итальянской торговли. В этих странах возникала новая экономическая жизнь, которая все болѣе базировалась на мѣновых отношеніях. Однѣ из них—преимущественно прибрежные пункты, гдѣ пере-

¹⁾ О былом значеніи итальянской торговли для развитія европейских мѣновых отношеній до сих пор хранится прочное наоминаніе: большая часть терминов коммерческих, биржевых, банковских, бухгалтерских интернаціональны, — и интернаціональны они потому, что взяты с языка итальянцев, торговля которых раньше всего развилась как интернаціональная, міровая торговля по преимуществу. Точно таким же способом в новое время интернаціональным морским языком становится голландскій язык, оттѣняемый потом, но и до сих пор не окончательно оттѣсненный англійским языком.

крещиваются многіе торговые пути, — расширяли самостоятельныя торговныя связи. Другія из чисто земледѣльческих стран, какими онѣ были в началѣ второго тысячелѣтія, развивались в страны с такими отраслями промышленности, которыя почти цѣликом рассчитаны на экспорт. Экономическое значеніе всѣх этих явленій сводится къ одному: центры новой экономической жизни Европы передвигаются от Средиземнаго моря къ Атлантическому океану.

Согласно популярным воззрѣніям, это перемѣщеніе торговых центров было вызвано такими обстоятельствами, как перерыв торговых путей на Восток османскими турками, открытіе морского пути в Индію и почти одновременное открытіе Америки (конец XV вѣка). В дѣйствительности упадок относительнаго значенія итальянской торговли начался значительно раньше, и тѣ событія, которыя сейчас упомянуты, сами были подготовлены развитіем европейской торговли и начавшимся перемѣщеніем ея центров; они просто ускорили и завершили этот процесс. Насколько мало здѣсь было элемента „случайности“, насколько перемѣщеніе торговых путей подготовлялось всѣм предшествующим развитіем, лучше всего показывает то обстоятельство, что уже не Италія, а приатлантическія страны снаряжают тѣ экспедиціи, которыя на порогѣ средних и новых вѣков совершают великія географическія открытія. Торговые преемники итальянцев были их преемниками и в тѣх экспедиціях, которыя так колоссально расширили географическій кругозор.

2. Внутренняя организація средневѣковой торговли.—Ганзейская торговля.

Развитіе средневѣковой торговли было процессом превращенія в товар возрастающей доли того прибавочнаго продукта, который в своей преобладающей части представлял феодальную ренту. В торговлѣ осуществлялось обращеніе этого продукта, переход его из рук в руки, и вмѣстѣ с тѣм замѣна одной его потребительной формы другою. Таким образом средневѣковая торговля, рассматриваемая со стороны матеріала, которым она оперировала, была непосредственным порожденіем феодальнаго общества.

Однако не только в этом, но и в других отношеніях ранней средневѣковой торговли ясно выступает ея генетическая связь с феодальным общественно-экономическим строем.

Прежде всего, на главных носителях этой торговли долгое время лежит отпечаток феодальной усадьбы. Это — представители той относительно крупной, „эпизодической“ торговли, о которой была рѣчь в предыдущих отдѣлах. По мѣрѣ того, как развивалось торговое значеніе

пунктов, в которых они поселились, их экономическія отношенія мало-по-малу расходились с отношеніями деревенских сеньеров. В этом процессѣ „расхожденія признаков“ на одной сторонѣ в концѣ-концов намѣчался болѣе чистый тип купца, на другой—болѣе чистый тип феодала. Медленно накопляясь в ряду поколѣній, различія обѣих групп из чисто количественных становились качественными и выросли в классовыя противорѣчія торговой буржуазіи и землевладѣльческаго дворянства. В зависимости от многообразных конкретных условій, вытекающіе из этих противорѣчій конфликты носили или бурный, острый, или же затяжной характер. В одних случаях, напр., в Италіи, отчасти в Новгородѣ и нѣкоторых городах Ганзы, они заканчиваются болѣе или менѣе рѣшительной побѣдой городского патриціата. Побѣда завершается иногда принудительной „урбанизацией“ деревенскаго дворянства, т.-е. принудительным водвореніем его в городах, гдѣ легче достигается его подчиненіе режиму патриціата. Очень обычное явленіе—превращеніе деревенских сеньеров в наемных военных организаторов, поступающих со своими дружинами на службу к городскому патриціату. В других случаях,—в тѣх странах, гдѣ торговля не получила такого преобладающаго значенія, гдѣ феодальное производство не было низведено ею до служебнаго положенія,—феодалы остались политически господствующим сословіем (напр., Франція, Англія, Россія за исключеніем новгородско-псковской области). Сюда же относятся случаи, когда упадок торговли сопровождался своеобразным политическим регрессом: усиленіем феодальнаго сословія, в особенности его верхушек, за счет падающаго торговаго сословія городов (Германія в новое время, в эпоху паденія ганзейской торговли).

Говоря о распаденіи феодальнаго сословія на двѣ группы: собственно купцов и собственно феодалов, необходимо помнить, что рѣчь идет лишь о тенденціи в развитіи общественных отношеній, и что этот процесс не получил завершенія не только в средніе вѣка, но, в значительной степени, и в новое время. Потомки сеньеров, особенно крупные феодалы, очень долго не утрачивали связей с коммерческими операціями. Так, напр., по отзывам иностранцев, самыя „крупныя купцы“ в московской Руси XVI и XVII вѣка—цари; слѣдующую ступень по размѣрам торговых операцій занимают верхушки боярства. Наиболѣе искренно ненавидят „торгашескій дух“, наиболеѣ стойко противятся соблазнам „торгашеской дѣятельности“ мелкіе сеньеры: для них эта дѣятельность фактически недоступна, так как прибавочный продукт, доставляемый вотчинами, слишком мал для того, чтобы послужить базисом серьезных самостоятельных коммерческих операцій. Они играют в торговлѣ не активную, а скорѣе страдательную роль. В связи с

Мелит

этим они же впоследствии выступают самыми яростными противниками допущения купечества в ряды дворянства: их титул, их „благородство“ является единственной опорой их притязаний на особенное общественное положение. Медленно складывающаяся торговая буржуазия в свою очередь долгое время не порывала своих связей с феодальным производством. Торговые прибыли при первой же возможности употреблялись на расширение старых вотчин или на приобретение новых. Мало того: и самая торговля, в особенности на первых порах, являлась, как мы увидим сейчас, лишь особой формой, особой отраслью или простым продолжением феодального производства¹⁾.

Организация торговых путешествий на всем протяжении средних веков мало отличалась от организаций военных походов. Многие важные центры итальянской торговли возникли как поселения пиратов, — предводителей с их дружинами. Да и впоследствии между торговым флотом и военным, между купцом и пиратом существовала лишь

1) Зомбарт несколько лет тому назад (в I томъ „Современного капитализма“) составил обширную сводку данных по различным странам, устанавливающих тожество первоначального городского патрициата с феодальными элементами. В связи с участием сеньеров (и министеріалов) в крупной эпизодической торговле обрисовывался вполне определенный ответ на вопрос, как и откуда появились те относительно крупные денежные состояния, которые — быть может, переходя из одних рук в другие, — в ходе развития превращаются в капитал, прежде всего в торговый капитал. Ответ таков: торговый капитал, это — денежная и товарная форма накопленной феодальной ренты, превращающейся в основу не для расширения феодального производства, а для развития новой отрасли экономической деятельности, — торговли с целями накопления. Следовательно, капитал при своем появлении есть превращенная форма ренты, и капиталистические доходы вообще до тех пор представляются доходами производными от различных форм ренты, пока феодальное производство не оттесняется развитием промышленности на задний план (Маркс в „Теориях прибавочной стоимости“, т. I, показал, с какой силой отражалось это обстоятельство на экономических воззрениях даже в XVIII веке). Ответ — простой и по существу не новой. Было бы легко показать, напр., что вполне определенно он формулировался уже у Маркса и в „Капитале“, и в только-что упомянутом продолжении „Капитала“. Но при своем стремлении к оригинальности во что бы то ни стало, Зомбарт придал этому ответу такой характер, как будто он ниспровергает все прежние представления по этому предмету. Штридер (Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1904) привел много фактов быстрого обогащения „посредством торговли“. Но эти факты несколько не колеблют того общего положения, что зачаточная средневековая торговля обогащает тех, кто обращается к ней уже с некоторым состоянием, и что первоначальным источником этого состояния мог быть вообще лишь прибавочный продукт, извлекаемый из феодально-зависимого населения.

489702

болѣе или менѣе неопредѣленная разграничительная черта. Какой характер пріобрѣтала торговля в том или ином частном случаѣ, это цѣликом зависѣло от конкретных условій, от особенныхъ отношеній той страны, в которую являлись итальянскіе или ганзейскіе купцы. В Византіи грабежъ былъ невозможенъ,—и венеціанцы вступали в двусторонній обмѣнъ; на русскомъ сѣверѣ только в рѣдкихъ случаяхъ можно было натолкнуться на организованный отпоръ,—и новгородскіе ушкуйники, собравшись большими ватагами, могли потомъ характеризовать свою торговую экспедицію словами: „много было бито-граблено“.

Всѣ отношенія средневѣковой торговли были таковы, что от купца требовались качества дружинника не только в пути, но и в то время, когда он жил в сравнительно культурной странѣ, с которой установился болѣе или менѣе постоянный обмѣнъ, урегулированный посредствомъ клятвенныхъ, „нерушимыхъ“ договоровъ. Поселенія пріѣзжихъ купцовъ на чужбинѣ,—итальянцевъ в Левантѣ и Западной Европѣ, ганзейцевъ на сѣверо-западѣ: в Лондонѣ, Бергенѣ, Або, Выборгѣ, Новгородѣ и т.-д.,—принимали вид *emboli*, *loggie*, *fondachi*, торговыхъ дворовъ или подворій, конторъ или факторій. Современныя значенія этихъ словъ не даютъ никакого представленія о томъ, чѣмъ были соответствующія учрежденія в средневѣковый періодъ. В рѣдкихъ случаяхъ это были просто кварталы, сплошь занятые иноземными гостями-земляками, готовыми по первой тревогѣ дать вооруженный отпоръ нападенію гостепріимныхъ туземцевъ. Чаще всего—в Левантѣ, Бергенѣ, Новгородѣ—это были кварталы, окруженные высокой каменной стѣной или внушительнымъ тыномъ со всѣми приспособленіями на случай долгой осады: это были такіе же укрѣпленія или форты, какъ фактически—„европейскій городъ“ в современномъ намъ Пекинѣ, и пользовались они такой же полнотой власти на своей территоріи, какъ европейскія консульства в современныхъ Тавризѣ и Тегеранѣ. Существенная разница сама собою понятна. За нарушенія экстерриториальности китайцамъ и персамъ угрожаетъ немедленное появленіе карательныхъ экспедицій, и потому европейцы могутъ позволять себѣ величайшую безцеремонность по отношенію къ туземному населенію,—могутъ возрождать, в нѣсколько смягченной формѣ, практику европейскихъ факторій на Кипрѣ, Молуккскихъ островахъ и в только-что открытой Америкѣ. Напротивъ, в Константинополѣ, у арабовъ, в скандинавскихъ странахъ, в Новгородѣ пріѣзжіе купцы могли опираться только на покровительство мѣстныхъ сюзереновъ и больше всего—на свою собственную боевую готовность.

Такимъ образомъ возникшая изъ военнаго похода торговая экспедиція еще долго сохраняла внѣшнюю форму и внутреннюю организацію военной дружины и с величайшей медленностью отмежевывалась отъ нея по мѣрѣ того, какъ области централизовались, и новое государство

настаивало на соблюденіи устойчивых юридических норм, диктуемых из центра. Но и тогда только внутренняя торговля порывала с отношениями войны; зато внешняя из областных или городских походов разрасталась в походы национальные.

Разумѣется, состав организаторов и участников торговых экспедицій с теченіем времени измѣнялся. Измѣненія шли в двух основных направлениях. Во-первых, по мѣрѣ того, как возрастало торговое значеніе извѣстных пунктов, городскіе феодальные элементы все болѣе развивались в городской патриціат, в торговую буржуазію. Слѣдовательно, организатором походов выступал уже не феодал, т.-е. не то лицо, которое своими военно-и мирно-организаторскими функціями неразрывно связано с деревней, а представитель новой общественно-экономической формации, купец, все болѣе порывающій связи с отношеніями деревенскаго производства. Во-вторых, по мѣрѣ того, как организациа торговых экспедицій достигала все большей выработанности, становилось все болѣе излишним прямое участіе в них феодала, извлекающаго прибавочный продукт из зависимаго населенія. В дальнѣйшем и городской патрицій, превращающійся в крупнаго купца, самими размѣрами своих оборотов вынуждался оставлять за собой только общую финансовую организациу всего дѣла, участіе же в торговых экспедиціях он поручал особым доверенным. Так возникали—в Италіи уже с XII столѣтія, в южной Франціи с XIII, в Германіи с XIV,—различныя формы своеобразных торговых товариществ, построенных на договорѣ. В эволюціи всѣх этих товариществ обнаруживается одна основная тенденція: от того лица, которое доставляет средства на экспедицію, постепенно обособляется агент, специально знакомый с рыночными отношеніями вообще и с иностранными—в особенности. Сначала он сбывал товары исключительно по порученію и за счет доверителя (или доверителей). Потом вырабатываются опредѣленныя нормы вознагражденія агента извѣстной долей торговой прибыли. Затѣм он начинает принимать участіе в экспедиціи не только личным трудом, но и товарами, закупленными за собственный счет. Процесс завершается, когда бывшій доверенный приступает, в товариществѣ с другими агентами, к организации торговли за свой собственный счет и риск. В основных чертах происходит то же самое, что в случаѣ с торговыми посредниками, которые из простых уполномоченных, организовавших коллективные закупки и сбыт для ремесленных цехов, развивались в самостоятельных торговых предпринимателей.

Итак, в схематическом изображеніи послѣдовательныя ступени в развитіи торговли были такіа: 1) первоначальным дѣятелем обмѣна был сеньер, предводитель феодальной дружины, постепенно обособляющейся от родов и меж-родовых союзов. Этой ступени соответствует

примитивное феодальное объединение патриархальных родов в областные союзы. 2) Развитие меж-областных сношений, сопровождающееся возникновением зачаточных городов, выдвинуло новую профессиональную группу: городской патрициат, представляющий по своим функциям промежуточное звено между деревенским сеньером, устранившимся от активного участия в организации мѣновых отношений, и между будущим купцом, превращающим это дѣло в свое единственное и исключительное занятіе. 3) Расширение и усложнение мѣновых отношений привело к тому, что патрицианскіе роды оставили за собою только верховное завѣдываніе этими отношеніями и стали все болѣе превращаться в ф и н а н с о в у ю а р и с т о к р а т і ю (о ней мы будем говорить в связи с развитием ростовщического капитала). Непосредственно организаторскія функции в области торговли переходят к новым купцам, купцам-плебеям, не связанным производственно с хозяйством усадьбы и не связанным по происхожденію с феодальным сословіем.

Эти ступени, отмѣчая послѣдовательное развитие торговли, соответствуют в то же время постепенному устраненію феодала от всѣх необходимых общественно-организаторских функций, превращенію его в чистаго потребителя, в помѣщика. Онѣ же отмѣчают основные этапы в развитіи от феодальнаго общества к буржуазному обществу.

Разумѣется, эта схема, как всякая схема, может претендовать только на одно: служить выраженіем общаго направленія в развитіи средневѣковой торговли. К концу разсматриваемаго періода первая ступень схемы была оставлена далеко позади, вторая была наиболѣе типичным явленіем, третья достигла рельефнаго выраженія только в передовых по торговлѣ странах и едва намѣчалась—в отсталых.

Таким образом, возникая из отношеній феодальнаго міра, развиваясь как общая экономическая связь замкнутых феодальных міров, торговля с большою медленностью создавала профессію особых торговых организаторов, отличных от сеньеров, организаторов феодальнаго производства. С такой же медленностью отрѣшалась она и от обособленности, замкнутости, характерных для феодальной эпохи.

Говоря об итальянской, французской, германской торговлѣ, мы пользовались названіями Італія, Франція, Германія как чисто географическими терминами. Для нашего времени каждое из этих слов означает сложный комплекс экономических и политических отношеній, органически связанных в единое цѣлое. Для средних вѣков, особенно для их ранняго періода, единство названія стран указывает, вообще говоря, лишь на общность и единство пространственных отношеній. Потребовался длинный процесс экономического развитія для того,

чтобы эти географическія единства превратились в единства социальныя.

Не страна, не нація, не государство, а город противостоял иноземцам в средневѣковой торговлѣ: не Италия, напр., а Венеція и Генуя, как раздѣльныя и взаимно враждебныя политическія организаціи, противостояли арабам и грекам, нѣмцам и англичанам. Торговля средних вѣков не приводила к національному объединенію территорій: возникая на базисѣ феодальных производственных отношеній, она скорѣе давала новую опору областной обособленности. Эта обособленность, равносильная для собственно феодальной эпохи почти полному отсутствію связей между областями, слѣдовательно, просто фактическая обособленность, с развитіем торговли превращалась в сознательную враждебность между торговыми городами, стоящими во главѣ соотвѣствующих областей, и приводила к истребительной борьбѣ между ними.

Город Амальфи, первоначальный центр итальянско-левантской торговли, в первой половинѣ XII вѣка был разграблен и уничтожен, его флот частью сожжен, частью захвачен пизанцами. В XIII вѣкѣ Генуя разрушила гавань Пизы и засыпала устье Арно, чтобы прочтѣе уничтожить торговлю своей соперницы. Впослѣдствіи новые сокрушительные удары были нанесены Пизѣ Флоренціей. В XIII вѣкѣ началась ожесточенная борьба между Генуей и Венеціей. Каждый город стремился уничтожить торговыя поселенія своего соперника, захватить его территоріи, уничтожить его суда. Война свирѣпствовала на сушѣ и на морѣ, в метрополіях и колоніях. Каждый город стремился монополизировать всю торговлю с Левантом. Бывали эпохи, когда отношенія итальянцев к мусульманам носили урегулированный, преобладающе мирный характер; но между итальянскими городами такой характер они принимали обычно только в тѣх случаях, когда заключались временные военные союзы,— преимущественно для того, чтобы общими силами нанести жестокий удар другим итальянским городам. Не свободная конкуренція, а узкая монополія была первым словом зародышевой капиталистической торговли¹⁾.

Нѣкоторый шаг вперед от такихъ отношеній представляет германская Ганза.

---

¹⁾ Конечно, не городская ограниченность была причиной упадка итальянской торговли, но она несомнѣнно обезсиливала итальянцев в ихъ борьбѣ на Востокѣ и с новыми европейскими конкурентами, опиравшимися на политическое объединеніе в сравнительно централизованныхъ формахъ. Неспособная выбиться изъ средневѣковыхъ формъ, к новому времени сдѣлавшихся архаическими, итальянская торговля должна была падать ускореннымъ темпомъ.

Стремительное развитіе посреднической торговли Венеціи, Генуи и т. д. знаменовало быстрый переворот в экономических и политических отношеніях соотвѣствующих областей. Формирующаяся торговая буржуазія подчиняла себѣ окружающій феодальный міръ, диктовала ему свою волю. Феодальныя области Италіи развивались в города-государства, в городскія республики; весь политическій аппарат каждой из этих республик представлял послушное орудіе городского патриціата.

Торговля германских городов и росла несравненно медленнѣе, и никогда не приобрѣтала такого могучаго размаха, как торговля Италіи. Городскія экономическія отношенія никогда не получали такого рѣшительнаго перевѣса над деревенскими, городской патриціат торжествовал над деревенскими сеньерами лишь в областях, ограниченных по своему протяженію и по своему экономическому значенію. Города, пользуясь образным выраженіем Маркса, были вкраплены в феодальное общество, развивались в его жорах. Все, чего они могли добиться упорной борьбой, сводится к извѣстной автономіи, к политическому и административному выдѣленію из окружающаго феодальнаго міра, к такому строю, который гарантировал им большую или меньшую самостоятельность в их внутренних отношеніях. Германскіе города остались чисто городскими коммунами. Бесильные сломить и уничтожить политическую власть феодальных сюзеренов, они в ходѣ развитія создали свои собственныя организаціи, которыя не уничтожают феодальной политической организаціи, стоят внѣ ея, рядом с нею, но тѣм не менѣе позволяют городам разрѣшать сложныя политическія и стратегическія задачи, не прибѣгая каждый раз к содѣйствію сюзеренов. Этими организаціями были союзы городов.

Первые, слабыя и недолговѣчныя, союзы возникают с половины XIII вѣка по теченію Рейна (Рейнскій союз) и в Швабіи (Швабскій союз). Толчком к образованію этих союзов было оживленіе мѣновых отношеній, вызванное подъемом итальянско-левантской торговли, которая направлялась за Альпы транзитным путем через Швейцарію. Первоначальной формой меж-городских союзов были временныя соединенія купцов из сосѣдних городов: караваны, в которые соединялись они для безопасности во время пути, и совмѣстное или сосѣдское расселеніе на чужбинѣ, куда они пріѣзжали на ярмарки. Эти неоформленныя организаціи подготавливали почву для временных соглашеній между совѣтами соотвѣствующих городов. Главными предметами соглашеній было обезпеченіе безопасности торговых путей — особая стража сопровождала торговый караван от одного союзнаго города до другого — и борьба с безконечным множеством совершенно неурегулированных „провозных“ пошлин, которыя сеньер всякой маленькой территоріи взымал по своему усмотрѣнію. Соглашенія между

городами возникали от случая к случаю; прочной, длительной организации не было.

Кельн послужил связующим звеном между Рейнским союзом и позднейшим союзом городов на севере Германии. Возник последний с конца XIII века, больше оформился к половине XIV, когда он нашел опору в перемещении торговых путей к Брюгге, и тогда же за ним укрепилось имя Ганзы. Это древне-германское слово первоначально было нарицательным названием союза, товарищества вообще. Первоосновой Ганзы послужили товарищества, которые складывались во время пребывания на чужбине у купцов одной и той же страны. И единственной, исключительной задачей Ганзы во все время ее существования—с XIV до XVII века—осталось урегулирование отношений к чужбине.

В этой области Ганза достигла блестящих успехов. Ганзейские города больше двух веков оставались единственными посредниками между югом и севером Европы. Они добились того, что превратили Балтийское и в значительной степени Северное Немецкое море в свои внутренние моря, закрытые для всех городов, не входящих в Ганзейский союз. Они—как венецианцы и генуэзцы на Средиземном море—стойко и безпощадно защищали здесь свою монополию: захватывали, топили и жгли нидерландские и английские суда, которые дерзали проникнуть в запретную область. Скандинавские историки видят в суровых мероприятиях Ганзы причину того обстоятельства, что с XIV века торговля потомков славных викингов упала до жалких размеров внутренней, преобладающе сухопутной торговли, и начала вновь подниматься только с XVI и особенно с XVII века, с эпохи падения Ганзы. В действительности торговая монополия Ганзы была в свое время естественной монополией, опиравшейся на положение ганзейских городов, особенно Любека, главы союза, между Брюгге и Антверпеном с одной стороны и экономически отсталым северо-западом Европы—с другой. Но, с другой стороны, борьба Ганзы за ускользающую монополию на долгое время затормозила экономическое развитие скандинавских стран.

Упадок ганзейской торговли начался в XVI веке и пошел ускоренным темпом в XVII веке. Ганзейская торговля сыграла роль переходной ступени в экономическом развитии северо-западной Европы. Хотя начальным пунктом в ее истории послужила итальянско-левантская торговля, однако в дальнейшем развитии она сделала крупный шаг вперед от мѣновых отношений, типичных для Средиземного моря. Правда, уже в итальянской торговле некоторую роль играли такие статьи, как соль, икра, соленая рыба, хлеб и мѣс; иногда прекращение подвоза предметов питания приводило к настоящему голоду в городах Византии. Тем не менее господствующий отпечаток торговли по Сре-

земному морю давали не предметы потребления сравнительно широких масс, а предметы роскоши¹⁾.

Напротив с развитіем ганзейской торговли предметы роскоши и предметы необходимости мѣняются по своему относительному значенію. Хлѣбъ становится важнѣйшей торговой статьёй, за ним слѣдуют пиво, рыба, соль, кожа и т. д. Слѣдовательно, обмѣн демократизируется в том смыслѣ, что от предметов потребления феодальных верхушек спускается вниз, к предметам массоваго потребления. С другой стороны, знаменательно для эволюціи экономических отношеній на сѣверо-западѣ Европы то обстоятельство, что на ряду с предметами личного, индивидуальнаго потребления начинают играть все болѣе видную роль предметы производительнаго потребления: такіа средства производства, как строительный дѣс, металлы, шерсть, жернова.

Значит, развиваясь, ганзейская торговля порывает с относительно узкими отношеніями южно-европейской торговли и глубже, чѣм послѣдняя, проникает в производственные отношенія обслуживаемых ею стран. Она знаменует не просто усиленное выкачиваніе прибавочной стоимости из феодально-зависимаго населенія, как итальянская торговля в ея преобладающей части: ея развитіе связано с перестройкой экономической структуры соответственных стран,—с превращеніем однѣх стран в экспортныя страны сырья, с возникновеніем в других странах таких

1) У большинства экономистов нѣтъ строгаго экономического критерія для раздѣленія предметов потребления на предметы необходимости и предметы роскоши. Они обычно приступают к дѣлу с сословно-этической оцѣнкой: „необходимо“ то, что с их точки зрѣнія „позволительно“ для даннаго социальнаго положенія. Переплетают эту оцѣнку с фیزیологическим критеріем: „необходимо“ получить такое-то установленное фیزیологами количество граммов бѣлка, углеводов, столько-то кубических метров жилья и т. д.; все, что сверх того,—„излишество“, „роскошь“. Возвращаются опять к замаскированному этическо-классовому критерію: „допустимо“, „раціонально“ и не должно считаться „роскошью“ всякое „разумное“ расширеніе фیزیологических минимумов, если оно содѣйствует повышенію „общаго тонуса жизни“, а слѣдовательно, и работоспособности, т.-е. позволяет извлечь из работника больше прибавочной стоимости. Маркс твердо установил критерій, единственно пріемлемый для такой исторической, діалектической дисциплины, как политическая экономія. „Предметы роскоши—это тѣ предметы, которые входят лишь в потребление классов капиталистов“; экономическая их особенность заключается в том, что „они пріобрѣтаются на прибавочную стоимость“. Предметы необходимости—„привычно-необходимыя средства потребления рабочаго класса“ (см., напр., „Капитал“, т. II, глава XX, IV). Подставив вмѣсто „класс капиталистов“—„присвоители прибавочной стоимости“, вмѣсто „рабочій класс“—„непосредственные производители“, мы получаем опредѣленія, пригодныя и для феодальной, и для крѣпостнической, и для капиталистической эпохи.

отраслей промышленности, которая рассчитана на экспорт. В этом смысл ганзейская торговля подготовляла ту ступень в развитии европейской торговли, когда она должна была сдѣлаться „надстройкой“ над промышленностью каждой страны,—когда, напр., торговая гегемонія Англіи стала вытекать из ея промышленной гегемоніи, расти и падать вмѣстѣ с послѣдней.

Но, подготовляя эту ступень в обслуживаемых странах, ганзейскіе города были безсильны создать для нея необходимыя предпосылки в самой Германіи. Возникая в феодально-раздробленных территориях, они не могли положить конец их раздробленію. Сами они сумѣли побороть его только в своих отношеніях с сосѣдними странами, которым противостояли как коллективность,—но не могли возвыситься над средне-вѣковой областной ограниченностью, поскольку дѣло касалось взаимных отношеній в самой Германіи. Каждый член Ганзы, за самыми незначительными исключеніями, столь же ревниво охранял свое монопольное право на свою торговую область от остальных членов Ганзы, как если бы они не входили в общій союз. Во внутренних отношеніях между ганзейскими городами было не больше близости, чѣм между всякими городами. Оставаясь преобладающе внѣшними, не базируясь на производственных отношеніях собственной страны, союзныя отношенія ганзейских городов неизбѣжно оставались шаткими, слабыми и непостоянными ¹⁾.

При таких обстоятельствах крах Ганзы в новое время был неизбежен. С одной стороны, Германія не пошла дальше провинціального объединенія, не достаточнаго для развитія новых производственных отношеній, и уже по этой причинѣ должна была уступать странам, в которых объединеніе совершилось в національном масштабѣ. Германская промышленность, которая в ремесленный період ея развитія могла помѣряться с англійской и французской, а в нѣкоторых отраслях стояла неизмѣримо выше их, в новое время, в особенности с XVII вѣка, становится одной из наиболее отсталых и остается такой до второй половины XIX вѣка. Слѣдовательно, Ганза не могла возмѣстить уходящую от нея посредническую торговлю торговлей, построенной на собственном производственном базисѣ. С другой стороны, слабо объединенные ганзейскіе города встрѣтили в новое время на міровом рынкѣ таких конкурентов,

¹⁾ Состав городов, входивших в Ганзейскій союз, все время был текущій, измѣнявшійся. Больше постоянными членами союза были только Любек, фактическій глава союза, Бремен, Гамбург и потом Ронток, Штральзунд, Висмар. Относительно большинства других городов невозможно точно установить, когда они входили в союз и когда отпадали от него: так неоформленна и неопредѣленна была организація.